

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В РОМАНЕ ОЛДОСА ХАКСЛИ «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Фёдорова Анастасия Сергеевна
Кубанский Государственный Университет

Аннотация: В статье поставлена задача рассмотреть лексическую реализацию концепта «Счастье» в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». В результате автор выводит три ассоциативные группы, каждая из которых характеризует определенное представление персонажей о счастье.

Ключевые слова: концепт, лексическое выражение, семантика, текст

Expression lexical concept of "happiness" in the novel Aldous Huxley's "Brave New World"

Fyodorova Anastasia Sergeevna
Kuban State University

Abstract: The author of the article studies the lexical realization of the concept "Happiness" in Aldous Huxley's novel "Brave New World". As a result, the author takes three associative groups peculiar to different types of characters, each of which describes the idea of happiness.

Keywords: concept, expression lexical semantics, text

Термин «концепт» пришёл в лингвистику из логики, где он воспринимается как синоним термина «понятие». Это мыслительная, ненаблюдаемая категория, что позволяет толковать его очень широко. Мы будем понимать концепт как совокупность знаний, связанных с данным понятием, и ассоциаций, которые связывают его с другими феноменами.

Предметом нашего исследования является лексическое выражение концепта «счастье» в тексте романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Ранее данный концепт в творчестве Хаксли не рассматривался как самостоятельный объект изучения.

Счастье – это прежде всего категория эстетическая, мировоззренческая. Согласно теориям эвдемонизма счастье – побудительный мотив для любых человеческих поступков. Стремлением к счастью можно объяснить даже самоубийство. Нужно учитывать, что представления о счастье всегда окрашены культурной спецификой и зависят от типа цивилизации.

Задать вопрос

Неверным является утверждение, что представлений о счастье столько же, сколько и людей. Все индивидуальные представления можно типологизировать. Число представлений о счастье зависит от числа его концепций, принятых у членов определенного этноязыкового социума. Исследование понятийной стороны данного концепта должно выявлять обыденные языковые концепции счастья и устанавливать их значимость для данного общества.

Представление о счастье как о состоянии души относительно недавнее. Семантически протагонистом нового счастья является человек, на долю которого выпала удача, а субъектом – наблюдатель, выносящий оценку благоприятности жизненных обстоятельств протагониста. Таким образом счастье как оценка человеком “успешности” собственной судьбы концептуально и хронологически производно от удачи, в русском языке лексемы “счастье” и “участь” восходят к праславянскому глаголу со значением “кусать” через его девербатив “часть”: счастье – это “хороший удел”, где съ- восходит к др.-инд su – “хороший” [1].

Категория счастья – сложное ментальное образование. Оно включает как эмоциональную, так и интеллектуальную оценку в форме радости или удовлетворения.

Причинами счастья могут быть факторы, вызывающие у субъекта положительную оценку моментов его жизни. Факторы, без которых такая оценка невозможна, такие, как характер человека, определяющий его мировоззрение, являются условиями счастья.

Любой текст является сложным многоуровневым образованием. [2] Материалом нашего исследования служит роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Это художественный текст, т.е. его отличает тщательная продуманность, творческая основа и особая организация. Эти качества обуславливают и особую реализацию концептуального значения имени «счастье».

Концепт «счастье» достаточно сложен для описания. Концептуальные признаки, проявляющиеся в нескольких примерах, можно отнести к коллективному уровню. Характеристики, выявляемые у отдельных авторов, можно отнести к индивидуальным концептуальным признакам. Помещенные в художественных или публицистических текстах, они влияют на коллективное сознание и могут в дальнейшем перейти в коллективные.

Обратимся к тексту романа «О дивный новый мир». Рассмотрим лексические особенности функционирования концепта «счастье» в данном тексте.

В самом начале первой главы мы видим выведенный большими буквами девиз Мирового Государства: «ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ», который пройдет лейтмотивом через все произведение. Далее в речи директора инкубатория мы встречаем такие слова с положительной коннотацией: «хороший, счастливый, добровольно, благо, благо для Общества, выгода для Общества, стабильность, общественность, тождественный, твердость, единообразные, масса, производство, комфорт, благоденствие, стойкость, усовершенствование». Все эти лексемы можно объединить в одну ассоциативную группу «представление о счастье».

В третьей главе в речи Мустафы Монда, Главноуправителя Западной Европы, многие знакомые нам слова употребляются с совершенно противоположной, негативной коннотацией. Так, слова: «Семья, единобрачие, любовная романтика, исключительность, замкнутость, сосредоточенность, фонтан эмоций, материнство, обособленность, мать, верность (быть верным, хранить верность), порыв, страсть, эмоции, ожидание, живорождение, равенство, старость (старый), починка (чинить), культура, прошлое, душа, бессмертие, поэзия, родной дом» приобрели совершенно иное значение и встали в один ряд со словами: «духота, теснота, как сельди в бочке, сброд, тюрьма, антисанитария, темень, болезнь, вонь, смрад, хаос, безнравственность, страдания, извращения» и, соответственно, стали противопоставленными понятию счастья.

Состояние счастья же Монд характеризует теми же словами, что и директор, но несколько шире: «стабильность, устойчивость, прочность, беспечально, здоровье, добродетель, член общества, послушание, довольство, отсутствие переживаний, система каст, новое, потребление, сома (наркотик), сомотдых, развлечения, труды, утехы».

Под это же описание попадает представление о счастье простых обывателей – таких, как Генри Фостер и Линайна Краун. В сценах, идущих параллельно с рассказом Мустафы Монда, мы видим, что ценят эти люди: «эффект, впечатление, ощущалка, шум, гомон, тугие загорелые тела, развлечения, благоразумие, приличие, порядочность, разнообразие, привлекательная внешность». В дальнейшем повествовании появляются слова «общественно полезный, блаженно, вместе».

А вот Бернард Маркс такое мнение не разделяет. Его «щуплая фигура и печальное лицо» разительно

отличается от окружающих его людей, как и его взгляды на мир. Из-за различия во внешности Бернард является постоянным предметом насмешек, отчуждён от общества. Он несчастлив оттого, что не все его представления о счастье совпадают со всеобщими, что воплотить их он не может. Именно разобщение мечты и реальности и отдаленность от общества стали причиной его несчастья. Он чувствует себя «чужим, раздраженным, завистливым, недоверчивым, одиноким». Это подтверждается сценой сходимости единения, где одиннадцать человек смогли слиться, почувствовать восторг и счастье всеобщего единения, а Бернард не смог. Эта его обособленность показана и в сцене, в которой Бернард и Линайна вдвоем в вертоплане зависли над морем, и Бернард спрашивает девушку, не хочет ли она быть счастливой «по-иному, по-своему». Его не устраивает всеобщая концепция, он ищет чего-то своего, «не на общий образец». Но так это только до тех пор, пока в его жизни не появился Дикарь. Став проводником и опекуном Джона, Бернард тут же почувствовал себя «важным, успешным, значимым, умиротворенным, весомым». Значит, именно этого он хотел, именно в этом заключалось для него счастье: быть нужным, быть выше остальных.

Что касается самого Дикаря, его понимание счастья отличается и от того, то бытует в «цивилизованном» обществе, и от того, которым обладает Бернард. Нет ничего удивительного в том, что он не находит счастья в новом мире: он слишком отличается ото всех этих людей, живущих под калыку, совершенно одинаковых, абсолютно стабильных. Он сам говорит: «Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, добра и греха». Он требует всего, что есть в жизни – то есть самой жизни во всей ее полноте, не ограниченной какими бы то ни было рамками. Пожалуй, все, что он перечислил, можно было бы назвать свободой. Таким образом, счастье для него равноценно свободе. И когда после смерти Линды Джон устроил дебош в умиральнице, он кричал, что подарит всем людям свободу. И когда, разочарованный в «дивном новом мире», он сбегает за город, когда обрекает себя на каждодневные муки во имя искупления, и даже когда лишает себя жизни – это все результат его свободного выбора, его стремления к счастью, то есть «счастье вне общества». Сам О. Хаксли сочувствует Джону, и именно его концепция счастья, концепция «счастья в свободе», кажется наиболее убедительной.

Можно сделать вывод, что на лексическом уровне реализация концепта «счастье» в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» представлена несколькими группами лексических средств, выступающих атрибутами счастья: обозначения счастливого состояния для всего общества, обозначения счастья для личности в этом обществе, обозначения счастья для личности вне общества. Счастье для общества – недостижимый идеал, поскольку общество не может быть счастливым, пока не станут счастливыми абсолютно все его члены. Счастье личности в обществе тоже неполное, поскольку оно ограничено законами и правилами, бытующими в обществе.

Контекстуальное сравнение представлений о счастье разных персонажей не разделяет их непроницаемой стеной: они изменчивы и взаимосвязаны. Концепт реализуется через различные социальные, культурные и иные маркеры. В целом же счастье у Хаксли предстает как непостоянная, зависящая от множества факторов категория.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка - 2001. - Т. 60, № 6.
 2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
 3. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. М, 2005.
-